

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 88

Изменчивое признание и исчезновение авторитета: о судьбе русской и советской литературы в Китае

Дун Сяо

Нанкинский университет,
КНР, 210093, Цзянсу, Нанкин, ул. Ханкоу, 22

Для цитирования: Дун Сяо. Изменчивое признание и исчезновение авторитета: о судьбе русской и советской литературы в Китае // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 3. С. 316–331. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.301>

С 1980-х годов к русской и советской литературе в Китае заметно охладели. Такая тенденция довольно прискорбна и связана с иррациональным фанатичным преклонением перед русской и советской литературой в 1950-х и 1960-х годах, за которым стояло искаженное и неверное ее прочтение. Эти явления во многом обусловили сегодняшнее безразличие к ней. Китайская новая и современная литература сознательно восприняла традиции русской и советской литературы. Положительные и отрицательные стороны этого явления зависят от различных концепций и методов заимствований китайских писателей. В 1980-х годах, с началом политики реформ и открытости, кругозор китайского народа расширился, и в его поле зрения начала попадать иностранная литература. В то время русская и советская литература стала лишь небольшой ее частью и больше не могла доминировать. Русско-китайские литературные связи вышли за рамки структуры «влияющий — влияемый» и развивались параллельно. Современные исследования русско-китайских литературных связей, с одной стороны, должны продолжить работы предшествующих поколений ученых, найти глубинные культурные факторы, стоящие за литературным влиянием, и обнаружить в русской и советской литературе до сих пор по-настоящему не понятые духовные ресурсы; с другой стороны, следует сравнить литературы обеих стран после 1980-х годов, исследовать общие проблемы, стоящие перед ними.

Ключевые слова: русская и советская литература, новая и современная литература Китая, литературное восприятие, литературное влияние.

Русская и советская литература XX в. оказала на Китай значительное влияние. Этот факт признают ведущие китайские исследователи. Превознесение и критика были в равной степени проявлением ее авторитета, она стала не только духовным

ресурсом для нескольких поколений китайских писателей, но и источником внутреннего беспокойства: превратилась для современных китайских писателей в своего рода сакральную землю, на которую они не смели посягать даже в мыслях, поэтому они с безотчетным благоговением относились к классикам русской и советской литературы. За последние сто лет современная китайская литература прошла путь, аналогичный тому, что прошла русская и советская литература, и в китайском академическом сообществе родилась концепция «смещенной корреляции»¹. Под «смещенной корреляцией» понимают явление, когда почти каждый этап развития китайской литературы в XX в. соответствовал определенному этапу развития русской и советской литературы, но при этом был смещен на срок от 15 до 30 лет. Другими словами, примерно через 15–30 лет после формирования каждого этапа русской и советской литературы этот этап наступал в китайской литературе: законы развития литератур двух стран очень похожи, они просто не синхронизированы и различаются по времени. Свою роль сыграли, с одной стороны, фактор влияния и восприятия, с другой — историческая логика развития. Такая корреляция на протяжении долгого времени приводила к тому, что русская и советская литература имела для китайских писателей и читателей необычайно важное значение. Влияние русской и советской литературы на новую и современную китайскую литературу, а также анализ сходства и различий между литературами двух стран в рамках корреляции также стали предметом размышлений в китайских академических кругах. Тем не менее в тени влияния невозможно глубоко осмыслить проблему. В XXI в., когда китайские писатели избавились от внутренней тревоги, а русская и советская литература исчезла из поля зрения нового поколения китайских писателей и читателей, у нас, напротив, появилась возможность более спокойно и объективно поразмышлять о судьбе русской и советской литературы в Китае, чтобы лучше понять и изучить различные проблемы современной китайской литературы.

Похолодание: прискорбная историческая необходимость

С середины 1980-х годов русские и советские писатели начали исчезать с горизонта внимания китайских писателей и читателей. К настоящему времени их влияние почти утрачено, и русская и советская литература стала непопулярной. Интерес молодого поколения китайских читателей к русской литературе больше нельзя сравнить с прежним, им совершенно незнакома современная русская литература, и даже классики русской и советской литературы не производят былого эффекта. Это тем более очевидно в сравнении с влиянием западной литературы, которое наблюдается в Китае сегодня. Русская и советская литература ютится в дальнем, забытом углу, и это разительно отличается от периода 1950–1960-х годов, когда она пользовалась огромной популярностью. Этот факт крайне удручает

¹ Эта проблема широко обсуждалась в китайских академических кругах с 1990-х годов. Считается, что литература Серебряного века 1920-х годов, советская литература конца 1920-х до середины 1950-х годов, литература «оттепели» с середины 1950-х до середины 1960-х годов и литература застоя с середины 1960-х до 1980-х годов в России в Китае соответствует «новой литературе», литературе 1950–1970-х годов, «литературе нового периода», зародившейся в конце 1970-х годов, и современной китайской литературе, появившейся в 1990-е годы. Подробнее об этом можно узнать в издании «论中苏文学发展进程» («О развитии русско-китайских литературных связей») [1] и в книге «20 世纪中俄文学关系» «Русско-китайские литературные связи в XX веке» [2].

читателей старшего поколения, которые по-прежнему остаются ее поклонниками. Между тем в китайских научных кругах звучало немало голосов, сокрушавшихся, что читатели предпочитают новое старому, по-прежнему призывавших вспомнить о значении русской и советской литературы для современного Китая и стремившихся возродить ее былую славу. Очевидно, это связано с ностальгией целого поколения. Однако ностальгический культурный менталитет бесполезен и не может выволить русскую и советскую литературу из забвения, в котором она оказалась сегодня в Китае. Стоит задуматься, существует ли неизбежная историческая логика в нынешнем охлаждении к русской и советской литературе в современном Китае.

Справедливости ради отметим, что такая холодность была неизбежна и обоснованна. Если посмотреть объективно, ее можно назвать своего рода «наказанием за поклонение эстетике прошлого» [3, с. 331]. Это контратака на тот аномальный бум преклонения перед русской литературой, который случился в Китае в 1950–1960-е годы. Именно иррациональное и крайне экзальтированное ее превознесение привело к нынешнему равнодушию. В переходе от фанатичного поклонения к ненормальному равнодушию существует историческая неизбежность.

Кроме того, это явление — неизбежный результат развития современной китайской литературы. С началом политики реформ и открытости в конце 1970-х годов двери страны открылись, и перед широкой массой китайских читателей предстал дотоле невиданный красочный мир современной западной литературы. Это расширило кругозор читателей и писателей, который распространился за пределы русской литературы. Вслед за импортом большого числа книг западных писателей изменился и художественный вкус китайских писателей и читателей, вся современная китайская литература смогла напитаться ранее недоступной богатой росой, что обеспечило невозможное в былое время развитие и подъем. В этом смысле охлаждение к русской и советской литературе в Китае тесно связано с глубокой трансформацией самой современной китайской литературы, с тем, что она сбросила оковы и обратилась лицом к миру, оказавшись в историческом контексте, достаточном для развития и подъема. Поэтому нельзя сказать, что безразличие китайских писателей и читателей к русской и советской литературе не имеет положительных последствий.

Вместе с тем, хотя поворот в восприятии имеет определенные преимущества для современной китайской литературы, которая как раз выходит из заточения, забвение русской и советской литературы привело к тому, что современный китайский читатель потерял чрезвычайно ценное духовное наследие. Это немалый ущерб.

Поскольку обе страны в ходе культурного развития сталкивались с похожим историческим контекстом, в развитии литературы двух стран за прошедшие сто лет было много общего, что мы и называем «смещенной корреляцией». Именно эти специфические отношения стали причиной того, что вопросы, которые волновали многих русских и советских писателей (особенно писателей советской эпохи), были близки современным китайским авторам. Достижения советской литературы очевидны, поэтому советские писатели стали хорошими учителями и друзьями для современных китайских писателей, которые смогли многому научиться у них.

Однако из-за смены исторических обстоятельств интерес современных китайских писателей давно сместился в сторону западной литературы. Это прискорбно, поскольку таким образом мы прошли мимо многих полезных вещей. Некоторые

ученые выразили свою горечь такими словами: «Прискорбно, что память и настоятельность по отношению к “тенденциозности” не позволяют современной китайской литературе с достаточным терпением вновь взглянуть на русскую литературу XX века и переосмыслить ее. В последние годы день ото дня она становится все более целостной... Мы не без сожаления отмечаем, как современные китайские писатели, ведущие активную жизнь в сумерках нового века, торопливо проходят мимо упомянутых нами великих русских писателей и поэтов» [4, с. 330]. Такое положение вещей не способствует развитию современной китайской литературы. Поэтому, хотя в бесстрастном культурном менталитете и содержится отрицание прошлого иррационального фанатизма, а ностальгический культурный менталитет не может изменить сложившейся ситуации, следует подумать о том, в чем состоит проблема иррационального поклонения и как оно связано с сегодняшним изменением эстетического вкуса.

Подоплека фанатичного поклонения: искажение и недопонимание

Отношение к русской и советской литературе в Китае сегодня напрямую связано с прежним фанатичным ее превознесением. Сам фанатизм уже определяет, что такое восприятие было иррациональным, необъективным. Оглядываясь назад, в 1950–1960-е годы, нетрудно увидеть, что русская и советская литература в то время была не только обожествлена, но и искажена и деформирована. Обожествление затенило реальное художественное обаяние советской литературы. Это привело к иррациональному отвращению к ней у более позднего поколения китайцев. Именно из-за крайне ненормального насаждения и искаженного понимания русской и советской литературы в те годы испортился вкус целого поколения китайских читателей, что и заставило их в дальнейшем потерять к ней интерес.

Период с 1950-х до начала 1960-х годов можно назвать «золотыми годами» русской и советской литературы в Китае. В то время в Китае были представлены не только русские классические и популярные советские писатели, но и многие писатели, которые в самом Советском Союзе были во втором и третьем эшелоне. Господство советской литературы не могло быть поколеблено, почти все китайские писатели сознательно брали пример с советских авторов, а советские произведения стали для них образцом. Масштабы поклонения не описать словами. Согласно статистике, около двух третей иностранных литературных произведений, которые переводились и публиковались каждый год в тот период, были русскими или советскими, а тираж составлял три четверти от всей издававшейся в Китае иностранной литературы [2, с. 184]. Такая картина уникальна в истории мировых культурных обменов.

Тем не менее подобная популярность — лишь один аспект вопроса, и она может объяснить лишь китайский менталитет. Это не имеет ничего общего с глубоким и точным пониманием русской и советской литературы. Наоборот, в то время она была искаженно интерпретирована, а классические произведения русской литературы были интерпретированы в Китае упрощенно, концептуализированно и идеологизированно, и даже понятие было фрагментировано и неузнаваемо. Это было отнюдь не единичное явление, а целостная специфика восприятия русской и советской литературы в то время. Можно сказать, что «догматизм в руководящей

идеологии, чрезвычайно узкий чисто политический утилитаризм в литературных концепциях и вульгарная социология в критических методах» [5, с. 60] — это недостатки не только самой китайской литературы 1950–1960-х годов, но и процесса интерпретации русской и советской литературы.

Идеологическая интерпретация нанесла ущерб художественному обаянию русских классических писателей. Это заставило китайских читателей того времени признавать только имена классических писателей, но их настоящий художественный мир был от нас далек. Пушкин, как первый российский поэт мирового значения, естественно, в то время пользовался в Китае огромной популярностью, его имя стало общеизвестным. Однако Пушкин, которого мы знали, высоко идеологизированный, и настоящий поэт, в котором «была любовь к величию и силе России, но была и страстная любовь к свободе» [6, с. 65], сильно отличаются друг от друга. Точно так же и пьесу хорошо знакомого нам Гоголя «Ревизор» знали все от мала до велика. Однако большинство из нас понимало ее с точки зрения «политической сатиры». Мы видели в ней сатирическую комедию, высмеивающую правящие классы царского общества, но намеренно или неосознанно игнорировали «нравственную аллегорию» на весь русский народ. Таким образом, понимание Гоголя было упрощено и оставалось только на уровне идеологической интерпретации. Классик русской литературы Тургенев также очень хорошо знаком китайцам. Тем не менее писатель, обнаруживший в российском обществе факторы, которые в будущем должны были привести страну к трагическому исходу, был исполнен крайней меланхолии. Препарируя русских «новых людей», он понял, что духовная суть этих людей приведет Россию к необратимой катастрофе. Такое глубокое тургеневское видение исторической перспективы мы также долгое время игнорировали. Это показывает, что наше понимание Тургенева было неполным. Лев Толстой, классик русской литературы, тоже получил много читательского внимания. Однако китайской отправной точкой в понимании творчества Толстого внезапно стала знаменитая статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Что касается превосходного художественного видения Толстого, его изысканного стиля — всего того, что в глазах Исайи Берлина² делало его непревзойденным мастером искусства, не было воспринято нами достаточно серьезно. Другой гигант русской литературы, Достоевский, был еще более «усечен». Знаменитые слова Горького, назвавшего его «злым гением», практически стали ярлыком, который мы много лет навешивали на Достоевского. При таком мышлении многогранное художественное видение Достоевского и его глубокое понимание будущего России были почти полностью скрыты от китайских читателей.

Что касается литературно-критического наследия трех известных критиков XIX в. — Белинского, Чернышевского и Добролюбова, — мы также самовольно и бездумно «кастрировали» их творчество и вырвали из контекста, в результате чего их гениальное художественное чутье, проницательный взгляд на суть литературы и искусства почти полностью утонули в безапелляционных интерпретациях крайне идеологизированного периода, полностью утратив обаяние своих идей.

С одной стороны, статьи этих критиков стали авторитетной классикой, которую китайские ученые и критики того времени должны были непременно цитиро-

² Исайя Берлин (1909–1997) — английский философ, переводчик русской литературы, один из основателей современной либеральной политической философии.

вать при написании статей, уровень их цитируемости занимал первое место в работах крупных критиков и теоретиков; с другой стороны, наше понимание преднамеренно или непреднамеренно не учитывало контекст, полностью игнорировало их истинную и сложную систему мышления, мы «думали о Белинском, Чернышевском и Добролюбова как о монолитной группе реалистов, которая осознанно выполняет свою политическую миссию» [3, с. 315].

Что касается советской литературы, то, будучи образцом для подражания для китайских писателей в 1950–1960-х годах, она была отфильтрована нами и растеряла свой первоначальный художественный шарм. В те дни, когда мы больше всего поклонялись советской литературе, у китайцев не было доступа к произведениям по-настоящему талантливых писателей — Ахматовой, Цветаевой, Булгакова, Платонова, Пастернака, Мандельштама, Солженицына и многих других литературных гениев, чье творчество миновало нас. Но ведь именно благодаря их творчеству советская литература сохраняет свою привлекательность сегодня. Такой советской литературе мы тогда поклонялись. Даже такая классика, как «Тихий Дон», была истолкована в высшей степени идеологически в силу особых исторических причин, так что истинное значение произведения не было критически выявлено нами вплоть до «культурной революции» (1966–1976), когда мы, что называется, «попали в яблочко случайным выстрелом»³.

Признание русской и советской литературы привело к тому, что, преклоняясь перед ней, мы серьезно исказили ее первоначальный облик, затенили ее изначальное богатое содержание, что в конце концов неизбежно испортило эстетический вкус следующего поколения китайцев. В 1980-х годах, с началом политики реформ и открытости, кругозор народа расширился, и в его поле зрения начала попадать иностранная литература. В то время русская и советская литература стала лишь небольшой ее частью и больше не могла доминировать. Именно в этой ситуации, когда эстетический вкус китайцев требовал выбора среди произведений многих иностранных писателей, проявился негативный эффект поверхностного и узкого понимания русской и советской литературы и ее интерпретации с позиций политического утилитаризма.

Русская и советская литература, оставшаяся в памяти китайцев, по сравнению с богатой и разнообразной европейской и американской литературой казалась слишком косной, хотя такое впечатление не имело ничего общего с этой литературой. Однако оно оказало огромное влияние на эстетический выбор нового поколения китайских читателей. Перед лицом разнообразной западной литературы оно, естественно, не могло отдать симпатии русской и советской литературе, известной своей догматичностью, хотя сами китайцы и стали причиной такого впечатления. Сегодня, с одной стороны, молодые китайские читатели без колебаний предпочитают западную литературу и отвергают русскую и советскую, с другой стороны, они практически не имеют о ней представления.

Подобная ситуация сложилась и в области литературных исследований и критики: молодое поколение китайских ученых больше не интересуется критическими работами Белинского, Чернышевского, Добролюбова, заменяя их именами другой

³ Подробнее о «случайно верной» интерпретации советской литературы в период «культурной революции» см. мою статью «论“文革”时期对俄苏文学的接受» («О судьбе русской и советской литературы в период “культурной революции”») [7].

группы западных теоретиков и критиков, в первую очередь Макса Вебера, за которым следуют Деррида, Лиотар, Фуко, Лакан, Беньямин, Гадамер, Фрай и т. д. Имена Белинского, Чернышевского и Добролюбова давно исчезли из работ молодого поколения китайских ученых. При этом теоретическое значение произведений этих мыслителей совершенно незнакомо молодому поколению китайских ученых и критиков, которые точно не знают, почему был отвергнут их теоретический дискурс. Это необъяснимое неприятие на самом деле происходит от искаженного понимания их теоретического наследия в прошлом.

Разница восприятия: плюсы и минусы влияния

Изучая развитие китайской литературы в XX в., нетрудно увидеть, что русская и советская литература сыграла многоплановую роль в развитии китайской новой и современной литературы, что имело как позитивный, так и негативный эффект. Это зависело от формы ее восприятия и концепций китайских писателей в определенных социальных, исторических и культурных условиях. Разбор и обобщение этого различного литературного признания может пролить свет на развитие новой и современной китайской литературы.

Венгерский философ Дьёрдь Лукач как-то сказал: «Только когда развитие литературы какой-либо страны нуждается во внешних стимулах, в импульсе, чтобы увидеть новый путь для нее, иностранные писатели могут действительно чего-либо добиться» [8, с. 452–453]. Эти слова раскрывают общий закон литературного восприятия, т. е. при каких условиях это восприятие становится возможным. В этом смысле обобщение Лукача верно. Однако в этой цитате необходимо провести границу: что означает «реальная потребность развития литературы»? Является ли этим отражение всех тенденций творчества? Обязательно ли влияние иностранных писателей воплощается в стремлении отечественных писателей искать новые творческие пути? Другими словами, в какой степени слова Лукача отражают восприятие русской и советской литературы китайскими писателями в XX в.?

Неоспорим тот факт, что русская и советская литература стала важной движущей силой на пути новой китайской литературы к зрелости и сыграла позитивную роль в развитии китайской литературы в XX в. В таком случае как же произошло это благотворное влияние? Какие характерные черты проявились под этим благотворным влиянием в процессе восприятия китайскими писателями? Это вопросы, о которых стоит задуматься.

В целом в восприятии русской и советской литературы новыми китайскими писателями проявилось четкое и осознанное литературное самопонимание. На макроуровне оно воплотило стремление китайских писателей создавать новую китайскую литературу, а на микроуровне — осознанное самопонимание художественного поиска писателя как индивидуального реципиента. Установление ориентации на «литературу для жизни», несомненно, было явным результатом влияния русской и советской литературы. Несмотря на то что установление этого духовного вектора в значительной степени вырвалось за рамки категорий литературы как таковой и указало на более широкие социальные проблемы, ее появление, бесспорно, было внутренним желанием самой новой китайской литературы и воплощением ее собственных духовных устремлений. В рамках концепции «литературы для жизни»

ни» новые китайские писатели в полной мере впитали глубоко гуманистический дух русской и советской литературы и ее высокую способность проникать в социально-исторические процессы. Даже левое пролетарское литературное движение с присущими ему идеями о радикальных социальных переменах, хотя и несло в себе слишком много социальных коннотаций и было выстроено в политическом, идеологическом дискурсе, по-прежнему оставалось уникальным духовным устремлением, родившимся в рамках литературного движения нового Китая в особой социально-исторической атмосфере. Поэтому, хотя в пролетарской литературе и оставались проблемы с рядом эстетических концепций, мы видим, что в определенном историческом контексте того времени, находясь под влиянием русской и советской литературы, часть радикально настроенных китайских писателей попыталась провести радикальную литературную революцию, что по-прежнему воплощало осознанное литературное самопонимание. Таким образом, восприятие китайскими левыми писателями ранней советской пролетарской литературы происходило из их внутренних, присущих им литературных требований, и потому влияние советской и русской пролетарской литературы в этот период было положительным и способствовало развитию китайской левой пролетарской литературы в 1930-х годах. Благодаря этим процессам в новой китайской литературе проявилась такая характерная черта, как плюрализм.

Современные китайские писатели как индивидуальные реципиенты, черпая из духовных ресурсов русской и советской литературы, демонстрировали индивидуализированное осознанное самопонимание. В произведениях Лу Синя (1881–1936) можно найти тени Тургенева, Чехова, Гоголя, Андреева и даже Горького. Интерес Лу Синя к русским и советским писателям связан с его приверженностью национальной рефлексии и культурной критике. В результате, заимствуя иностранную, в том числе русскую и советскую, литературу, он смог превзойти уровень заимствования чисто внешних художественных приемов и сформулировать собственный уникальный культурный поиск. Он мог напрямую заимствовать у Гоголя название («Записки сумасшедшего»), жанр (дневник), тему (безумцы) и даже конкретные детали (оба пишут о собаках), но в конце концов самостоятельно завершил свою миссию культурного критика и мыслителя. В результате «Записки сумасшедшего» (1918) «призваны обнажить пороки родового строя и конфуцианской морали, но автор был гораздо более опечален и возмущен, чем Гоголь» [9]. Здесь положительное влияние Гоголя сказалось на уникальном понимании Лу Синем своей творческой миссии. Именно основываясь на миссии вестника национального преобразования, Лу Синь активно рекомендовал статью Тургенева «Дон Кихот и Гамлет» (1846) и полную «странного патриотизма» поэму Лермонтова «Родина».

В 1930-х годах Лу Синь посоветовал китайским читателям роман «Разгром» советского писателя Фадеева, который, по его словам, сосредоточился на «описании различных персонажей с разной психологией и разными характерами» [10]. То есть в процессе знакомства с творчеством русско-советских писателей Лу Синь обратил внимание на их художественный уровень, а не просто отождествил его со своими политическими взглядами. Это осознанное понимание активного художественного поиска отражено в творчестве многих новых китайских писателей. Имея собственное художественное видение, они черпали идеи и приемы из творчества русских и советских писателей, в соответствии со своими художественными стрем-

лениями заимствовали питательные элементы из русской и советской литературы и сформировали собственное уникальное художественное видение, и потому в процесс формирования их творческой сущности глубоко впечатаны традиции русской и советской литературы. В данном случае влияние русской и советской литературы стало результатом осознанного художественного поиска новых китайских писателей. Выбор их свободен: они воспринимали творчество пришедшихся по сердцу русских и советских писателей по собственному желанию, исходя из целей своих художественных поисков. Такого рода активное, свободное литературное восприятие с целью осознанного художественного поиска обусловило то, что влияние русской и советской литературы можно оценить как позитивное. Ба Цзинь (1904–2005) и Юй Дафу (1896–1945) включали в свое творчество лирику И. Тургенева, в результате чего Ба Цзинь постепенно понял, что такое «лирическое воздержание», сжимая почти чувственные строки раннего творчества в глубоко лиричный текст, как, например, в «Саду упокоения» (1944). Юй Дафу так же постепенно сформировал свой меланхоличный лирический стиль. Цао Юй (1910–1996) привнес легкую лиричность драмы А. Чехова в свои произведения, и его художественный стиль эволюционировал от «Грозы» (1934) до «Пекинцев» (1941). В повестях «Голодная Го Суэ» (1943) и «Дети богача» (1945) Лу Лин (1923–1994) создал свой уникальный художественный стиль — исследование психологии персонажей — на основе психологического описания Ф. Достоевского. Ху Фэн (1902–1985), один из самых известных критиков новой китайской литературы, безусловно, не мог бы сформировать собственные критические концепции без влияния русского литературного критика XIX в. В. Белинского. Примеры можно приводить бесконечно. В целом восприятие и заимствования из русской и советской литературы новыми китайскими писателями были рациональными и осознанными, поэтому она способствовала вызреванию художественного стиля новых китайских писателей и постоянному развитию новой китайской литературы.

Метод восприятия также частично распространяется на китайскую современную литературу, хотя в целом этот процесс происходил на основе других концепций. Например, в короткий промежуток активности (со второй половины 1956 г. по первую половину 1957 г.) на китайские литературные круги оказала влияние советская литература «оттепели». Тенденция идеологического раскрепощения советского литературного мира того времени быстро повлияла на китайский литературный мир. Несмотря на то что стремительное развитие этого влияния зависело от социально-политических факторов, не связанных с литературой, группа молодых и деятельных китайских писателей того времени, таких как Ван Мэн (род. 1934), Цун Вэйси (1933–2019), Лу Вэньфу (1928–2005) и Лю Биньянь (1925–2005), с позиций осознанного литературного понимания восприняла влияние советской литературы «оттепели» и в процессе конкретного усвоения не слишком задумывалась о политической идеологии: их по-настоящему увлек искренний дух реализма. Таким образом, в современных литературных кругах мы можем найти китайских писателей, которые получили прямую выгоду благодаря советским писателям. Например, в 1962 г. Цинь Му (1919–1992) издал сборник стилистически новых эссе «Отрывочные мысли об искусстве», который стал младшим братом «Золотой розы» К. Паустовского, практически его китайской версией. Поскольку «Золотая роза» была переведена на китайский язык в 1959 г., она сразу привлекла внимание бесчисленного

количества китайских читателей, среди которых были и писатели, и стала верным другом для целого поколения китайских авторов. Она повлияла и на Цинь Му. Художественный стиль «Золотой розы» (использование нештампованных и глубоких лирических текстов для выражения правил художественного творчества и размышлений о священной миссии писателя) вызывал восхищение и потому породил «Отрывочные мысли об искусстве», шедевр эссеистики, оказавший в Китае того времени значительный эффект. Это позитивное влияние советской литературы воплотилось в восприятии с целью повышения стандартов художественного творчества. Что касается разрыва между художественными качествами «Отрывочных мыслей об искусстве» и «Золотой розы», то это еще одна проблема, которая затрагивает различный культурный менталитет и духовные сферы писателей Китая и Советского Союза и заслуживает отдельного рассмотрения.

Как уже упоминалось выше, восприятие современными китайскими писателями русской и советской литературы 1950–1960-х годов очень отличается от восприятия их предшественников, методы и концепции сильно изменились. Это было определено специфической социальной и исторической обстановкой того времени: изменения в политической среде привели к изменениям во влиянии и восприятии русской и советской литературы в Китае. Китайская литература более не могла черпать питательные элементы из иностранной литературы так широко и свободно, как раньше. Русская и советская литература стала для китайских писателей важнейшим духовным ресурсом, а советские писатели — единственным примером. Русская и особенно советская литература оказала беспрецедентное влияние на современных китайских писателей. В истории мировых литературных контактов крайне редки примеры, когда литература одной страны оказывает настолько большое влияние на литературу другой. Это в большей степени было обусловлено социально-историческим фоном, схожим в тот период в Китае и Советском Союзе. К тому же и в Китае, и в Советском Союзе литература была тесно связана с социально-политической средой, поэтому тенденции ее развития в двух странах в течение длительного периода времени демонстрировали очевидное сходство. Это также определило настрой современных китайских писателей на позитивное заимствование и восприятие советской литературы, а также ее мощную воздействующую силу на китайских авторов того времени. Однако это влияние не имело ничего общего с художественной ценностью произведений и зависело не от их художественного качества, а от степени близости к голосу эпохи и так называемому литературному лейтмотиву. К такой категории относится, например, значимость советского писателя М. Шолохова, поэтому не «Тихий Дон», а «Поднятая целина» оказала на китайских писателей более мощное влияние (хотя «Тихий Дон» и поразил бесчисленное количество китайских читателей). Классичность «Тихого Дона» бесспорна, но его уникальная литературная ценность, демонстрация настоящей казацкой жизни, яркое воплощение цветущей, первобытной жизненной силы казаков, насыщенный национальный колорит и деревенская атмосфера, а также глубокое раскрытие трагедии эпохи — все это не могло попасть в поле зрения современных китайских писателей. «Поднятая целина» намного уступает «Тихому Дону» в художественной выразительности и глубине мысли, но из-за явно и стандартизированно воплощенного на ее страницах движения коллективизации сельского хозяйства ей легко было стать источником заимствования для современных китайских писателей-

деревенщиков. Таким образом, Чжоу Либо (1908–1979) («Ураган, 1948, и «Большие перемены в горной деревне», 1960), Лю Цин (1916–1978) («Начало», 1960), Дин Лин (1904–1986) («Солнце над рекой Сангань», 1948), Чжао Шули (1906–1970) («В деревне Саньливань», 1955) и авторы других произведений, показывающих сельскую аграрную реформу, сельскохозяйственные кооперативы и образование народных коммун, осознанно приняли «Подлинную целину» за объект подражания — глубокие следы заимствования видны в персонажах, построении сюжета и даже в общей структуре. Как настоящей литературной классикой «Тихим Доном» можно наслаждаться, можно пробовать его на вкус, но подражать ему нельзя, потому что литературной классике подражать невозможно: она описывает национальный дух с учетом уникального эстетического характера национальной литературы. Ее можно лишь понять, но из нее невозможно позаимствовать ничего, кроме внешних форм художественного выражения, но и они будут мертвыми и не смогут оказать положительный эстетический эффект. Зато «Поднятая целина» представляет собой четкую творческую модель, а модель, конечно, использовать легко, поэтому «Поднятая целина» стала «учебником», по шаблону которого работали современные китайские писатели-деревенщики. Здесь в литературном восприятии преобладают политические, идеологические концепции, и трудно обнаружить осознанное понимание творческого поиска самого реципиента. В целом принятие советской литературы китайским литературным мейнстримом в течение 17 лет (с 1949 до 1966 г.) в основном относится к этой категории.

Такого рода восприятие не могло принести китайской литературе настоящую пользу в силу отсутствия у авторов осознанного понимания своего художественного поиска. В этом процессе доминировали нелитературные факторы, что сделало влияние русской и советской литературы на современную китайскую литературу очевидно негативным, поскольку из перспективы восприятия под влиянием нелитературных факторов выпадает художественная ценность. За 17 лет в Китае появилось множество советских литературных произведений второго, третьего и даже очень низкого сорта, в то время как большое количество реальных литературных гениев было скрыто, и восприятие русской литературы определяли политические и идеологические факторы, подготовившие почву для негативного восприятия русской и советской литературы в последующий период. Окольные пути, которыми современная китайская литература шла в то время, во многом обусловлены этим обстоятельством.

Исчезновение авторитета: начало параллельного наблюдения

Как уже упоминалось, позитивное и негативное влияние русской и советской литературы происходит от разных способов восприятия ее реципиентами. В результате на разных этапах своего более чем столетнего развития в Китае у русской и советской литературы была разная судьба. От нормального, рационального, сознательного и свободного восприятия писателями нового времени до иррационального, бессознательного, слепого и несвободного поклонения и механического подражания писателей литературы периода семнадцати лет, затем к разгромной критике периода «борьбы против ревизионизма»⁴ и «культурной революции»

⁴ Имеется в виду идейная борьба под руководством ЦК КПК с идеологией КПСС с начала 1960-х годов до начала «культурной революции».

(1966–1976) и к недолговременному потеплению в начале нового периода, пока с 1980-х годов не начался этап забвения и равнодушия. Неоднозначным был опыт русской и советской литературы в Китае, но он также определил траекторию развития самой китайской литературы, став отражением ее различных этапов.

Последние 20 лет вместе с непрерывным развитием кругозора китайских писателей влияние прошлого постепенно нивелировалось, и современные литературные связи между Китаем и Россией больше не являются отношениями донора и акцептора. Поэтому, чтобы изучить эти связи сегодня, мы должны выйти за рамки предыдущей модели исследования влияния и рассматривать его с помощью метода параллельного наблюдения.

Из-за большого сходства в развитии китайской и русской литератур в прошлом, близости культурного склада интеллигенции на фоне необычайно тесных литературных связей двух стран более не существует отношений «влияющий — влияемый», но литературы обеих стран по-прежнему сталкиваются с общими трудностями, демонстрируя определенную степень сходства во многих аспектах. Поэтому параллельное наблюдение за литературными связями между двумя странами сегодня является уникальным взглядом на современную китайскую литературу.

За последние 20 лет вслед за расширением творческих горизонтов китайских и русских писателей актуальные тенденции идейных течений современной западной культуры активно воздействовали на литературы двух стран. Среди заметных западных направлений весьма значительно влияние постмодернизма. На литературной арене в обеих странах появились писатели-постмодернисты, вызвавшие ряд недоумений и ставшие предметом обсуждения в литературных кругах. Современные русские постмодернисты в своих энергичных литературных экспериментах часто сталкиваются с нападками критиков. Такая же картина наблюдалась в литературном мире Китая в 1990-х годах. В литературных кругах обеих стран, сколь бы актуальным и проблематичным ни было творчество писателя-постмодерниста, оно не может быть воспринято беспрепятственно и неизбежно столкнется с постоянным сомнением и отрицанием. Это показывает, как сохраняются эстетические стандарты литературных традиций в контексте постмодернистской культуры и мощная жизнеспособность реалистической литературы, как западные постмодернистские культурные концепции локализуются и национализуются на практике. Это общие проблемы, стоящие перед критиками и писателями обеих стран.

В связи с этим в контексте экономической глобализации китайская и русская литературы также сталкиваются с одинаковыми вызовами. Как придерживаться литературной этики в условиях современной экономической глобализации, как сдерживать наступление коммерциализации, найти выход для чистой литературы под ударами рыночной экономики, мультимедиа и Интернета, место литературы в эпоху информационной эпохи и массовых развлечений, как в контексте глобализации сохранить уникальную эстетическую ценность и раскрыть обаяние национальной культуры — над этими вопросами писатели обеих стран размышляют вместе. И у Китая, и у России есть уникальные культурные традиции. Глобализация неизбежно наносит национальной культуре мощный удар. На этом фоне идейный склад «литературы поиска корней» стал общей творческой тенденцией для многих писателей в обеих странах. Это неизбежная культурная стратегия в общей культурной экологической среде,

и она включает в себя множество сходных культурных менталитетов. Изучение культурного менталитета не только весьма эффективно для наблюдения за новой формой литературных связей между двумя странами и понимания культурной позиции Китая сегодня, но и имеет просветительное значение.

Реакция на глобализацию стала питательной средой для националистического культурного менталитета, который обладает чрезмерным самолюбием и дает себе неподобающе высокую оценку в культурных коммуникациях. За последнее десятилетие он обрел значительную силу в литературно-художественных кругах Китая и России. Отношения между двумя странами в последние годы заметно потеплели (в обеих странах прошли соответственно Год России и Год Китая). Безусловно, о международных стратегических отношениях еще следует поразмыслить, однако нельзя отрицать, что крайне схожий националистический культурный менталитет, проявившийся в контексте глобализации, был одной из глубоких причин для взаимного признания двух культур. Часть современных русских произведений, которые были переведены в Китае за последние 20 лет, имеет националистический уклон, например роман В. Распутина «Мать Ивана, дочь Ивана», «Бермудский треугольник» Ю. Бондарева и т. д. Это также отражает менталитет некоторых современных китайских литераторов. Схожий националистический культурный менталитет в дальнейшем вызовет довольно схожие культурные явления в литературном мире двух стран. Например, критика Лу Синем национального характера уже не раз подвергалась в Китае сомнению, некоторые считали, что Лу Синь позаимствовал «цветные очки» западных миссионеров, чтобы рассматривать китайцев, поэтому неизбежно повторил субъективные и односторонние рассуждения иностранцев. Так называемая ущербность — это результат того, что Лу Синь и другие основатели движения за новую культуру оценивали китайцев с точки зрения иностранцев. Поэтому за критикой Лу Синя ущербности нации видны «старые, высокомерные физиономии тех миссионеров» [11, с. 123]. Под этим подразумевается «колониальный дискурс» западных людей. И это не уникально, в России также делались подобные заявления. Критика позиции западников, ратовавших за рациональность западноевропейского Просвещения в XIX в., была весьма популярна. Считалось, что так называемые мудрые просветители совершенно не понимали свою родину, историю и культуру России, им недоставало любви к русской земле, они были подобны ряске, оторванной от корня. Поэтому их обвинения в отношении родины стали результатом взгляда на культуру России с точки зрения иностранцев, попыткой измерить ее уникальную специфику мерками так называемых «более продвинутых и более цивилизованных» европейцев.

Ход мыслей и логика этих двух взглядов схожи и включают националистический культурный менталитет. Он воплощается и в чрезмерно чувствительной национальной культурной самооценке. И в Китае, и в России существуют свои великолепные традиционные культуры, которые самодостаточны. В то же время каждая из стран в определенный исторический период находилась в ситуации культурного неблагополучия, получив мощный культурный удар извне (Россия с XVIII до середины XIX в.; Китай с середины XIX до начала XX в.). Поэтому такая культурная почва с большей вероятностью порождает националистический культурный менталитет, который становится мощным культурным нарциссизмом. Нет ничего плохого в при-

вязанности к национальной культурной традиции, но эта привязанность должна основываться на открытом культурном менталитете, а не подавлять жизнеспособность национальной культуры в замкнутом культурном нарциссизме. Сегодня националистический культурный менталитет востребован в литературных мирах обеих стран. Современных русских писателей, творчество которых доминировало в литературном диалоге между двумя странами последние 20 лет, также отличает выраженный национализм. Например, «Сборник современной российской прозы», представленный Союзом писателей России в рамках программы литературного обмена «Год России в Китае», можно рассматривать как концентрированную презентацию националистического культурного менталитета современной российской литературы. В предисловиях главы Союза писателей России В. Ганичева к этому сборнику и к представленному в нем произведению «Живи опасно» критика В. Бондаренко отчетливо выражены националистические настроения современного российского литературного мира. О трех специфических чертах, отраженных в них, стоит поразмыслить и китайскому литературному сообществу.

Во-первых, искаженный национальный культурный менталитет проявляется в растущем «русском комплексе», как будто только русская культура, только православная церковь могут спасти сегодняшнюю безобразную, вырождающуюся «эпоху глобализации», антизападные настроения в этом комплексе чрезвычайно сильны. Во-вторых, смешались два понятия: «культурный консерватизм» и «культурный национализм». Культурный консерватизм, который придерживается культурной этики, следует культурным традициям и спокойно сохраняет трезвую дистанцию от радикализма, в корне отличается от узкого культурного национализма. В-третьих, по-прежнему актуальными остаются воспоминания и привязанность к тоталитарным идеям бывшего Советского Союза. Во времена СССР из-за ограничений, налагаемых особой политической и исторической атмосферой, националистическое направление мысли часто превращалось в советский утопизм с ярко выраженной идеологической спецификой. Три вышеупомянутые специфические черты в определенной степени совпадают с националистическими веяниями в литературно-художественных кругах современного Китая и являются общими точками параллельного развития литературы двух стран. Об этом стоит задуматься.

Сегодня китайская и русская литературы развиваются параллельно, каждая своим путем. Между ними больше не существует отношений «вливающего и вливаемого», но общие проблемы и затруднения, с которыми сталкиваются писатели двух стран, требуют внимания в рамках нового исторического этапа изучения литературных связей России и Китая. Сегодняшние исследования русско-китайских литературных связей, с одной стороны, должны продолжать предшествующее изучение влияния русской и советской литературы, находить глубинные культурные факторы, стоящие за ним, и искать в русской и советской литературе до сих пор по-настоящему не понятые в Китае духовные ресурсы. С другой стороны, следует параллельно сравнивать литературы обеих стран в период после 1980-х годов, исследовать общие проблемы, стоящие перед ними.

Литература

1. 倪蕊琴. 论中苏文学发展进程 [О развитии русско-китайских литературных связей. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1991. 359 с.]. (На кит. яз.)
2. 陈建华. 20世纪中俄文学关系 [Чэнь Цзяньхуа. Русско-китайские литературные связи в XX веке. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 1998. 452 с.]. (На кит. яз.)
3. 夏中义. 别车杜文艺思想与中国 // 俄苏文学与中国. [Ся Чжунъи. Идеи Белинского, Чернышевского и Добролюбова в приложении к Китаю // Русская и советская литература в Китае. Шанхай: Хуадун шифаньдасюэ чубаньшэ, 1991. 383 с.]. (На кит. яз.)
4. 汪介之. 选择与失落 [Ван Цзечжи. Выбор и утра. Нанкин: Цзянсу вэнь чубаньшэ, 1995. 333 с.]. (На кит. яз.)
5. 吴俊. 历史中的‘十七年’——对一种文学现象的回顾. // 倪蕊琴. 论中苏文学发展进程 [У Цзюнь. Исторический период семнадцати лет — ретроспектива одного литературного феномена // О развитии русско-китайских литературных связей. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1991. 359 с.]. (На кит. яз.)
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 221 с.
7. 董晓. 论“文革”时期对俄苏文学的接受. // 广东社会科学. 2014. 第3期. 页149–153. [Дун Сяо. О судьбе русской и советской литературы в период «культурной революции» // Общественные науки Гуандуна. 2014. № 3. С. 149–153]. (На кит. яз.)
8. 卢卡契. 卢卡契论文学论文集 [Лукач Д. Собрание сочинений. Пекин: Чжунго Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1981. Т. 2. 598 с.]. (На кит. яз.)
9. 中国新文学大系 / 郁达夫编选 [Сборник новой китайской литературы / ред. Юй Дафу. Шанхай: Шанхай вэнь чубаньшэ, 2003. 442 с.]. (На кит. яз.)
10. 法捷耶夫. 毁灭. 译者序 [Фадеев А. А. Разгром. Предисловие. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1973. 322 с.]. (На кит. яз.)
11. 冯骥才. 鲁迅的功和‘过’ // 收获. 2000. 第2期. 页123 [Фэн Цзицай. Успех и «ошибки» Лу Синя // Шоухо, 2000. № 2. С. 123]. (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2020 г.,
рекомендована к печати 29 июня 2020 г.

Контактная информация:

Дун Сяо — PhD, проф.; dongxiaoels@163.com

Changing Recognition and the End of Authority — about the Fate of Russian and Soviet Literature in China

Dong Xiao

Nanjing University,
22, Hankou Road, 210093, Nanjing, Jiangsu, China

For citation: Dong Xiao. Changing Recognition and the End of Authority — about the Fate of Russian and Soviet Literature in China. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2020, vol. 12, issue 3, pp. 316–331. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.301> (In Russian)

Since the 1980s, Russian and Soviet literature has been met with a cold response from Chinese readers. Although there are some historical reasons for this situation, it is quite unfortunate. In the 1950s and 1960s, Russian literature was irrationally regarded as the best literature in the whole world by most Chinese readers, a distorted an incorrect perception. These phenomena have largely caused the indifference of Chinese readers today. Over the past 100 years, Chinese modern literature consciously accepted the influence of Russian literature, and the images of Russian literature changed according to different situations in the course of development in China. The positive and negative consequences of this influence depend on the various con-

cepts and borrowing methods by modern Chinese writers. In the 1980s with the beginning of the reforms and openness, the horizons of the Chinese readers broadened, and they started to fully realize what foreign literature was. At that time Russian and Soviet literature was just a small part of foreign literature and could not dominate the landscape. The relationship between Chinese and Russian literature became independent in many ways. Today's studies of Russian-Chinese literary relations should continue to examine this phenomenon, find cultural factors that support it and look for unappreciated spiritual sources in Russian and Soviet literature. Additionally, the shared problems that modern Russian and Chinese literature face should be investigated.

Keywords: Russian and Soviet literature, Chinese modern and contemporary literature, reception of literature, literary influence.

References

1. Ni Ruiqin. *Lun Zhong Su wenxue fazhan jincheng* [Developments of Literature in China and Soviet]. Shanghai, Hua dong University Press, 1991. 359 p. (In Chinese)
2. Chen Jianhua. *20 shiji Zhong E wenxue guanxi*. [Literary Relationship between China and Russia in 20th Century]. Shanghai, Xuelin Publ., 1998. 452 p. (In Chinese)
3. Xia Zhongyi. Bie Che Du wenyi sixiang yu Zhongguo [Ideas of Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov in China]. *Esu wenxue yu Zhongguo*. Shanghai, Huadong shifan daxue chubanshe, 1991. 383 p. (In Chinese)
4. Wang Jiezhhi. *Xuanze yu shiluo* [Choice and Loss]. Nanjing, Jiang su Literature and Art Publ., 1995. 333 p. (In Chinese)
5. Wu Jun. *Lishi zhong de 'Shiqi nian' - dui yizhong wenxue xianxiang de huigu* [17 years in History: Look back on this Period of Chinese Contemporary Literature]. Shanghai, Huadong University Press, 1991. 359 p. (In Chinese)
6. Berdiaev N. *The origin and Significance of Rissian Communism*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 221 p. (In Russian)
7. Dong Xiao. Lun 'Wenge shiqi' dui esu wenxue de jieshou [The Criticism of Russian and Soviet Literature in the Period "the Great Proletarian Cultural Revolution" of China]. *Guangdong shehui kexue*, 2014, no. 3, pp. 149–153. (In Chinese)
8. Lukaqi. *Lukaqi lunwenxue lunwenji* [Anthology of Lukach's Thesis on Literature]. Beijing, Publishing House of Social Sciences of China, 1981, vol. 2. 598 p. (In Chinese)
9. *Zhongguo xin wenxue daxi* [Documents of Chinese Modern Literature. Fictions], ed. Yu Dafu. Shanghai, Shanghai wenyi chubanshe, 2003, vol. 2. 442 p. (In Chinese)
10. Fajieyefu. *Huimie. Yizhe xu* [Fadeev A. Destroy. Foreword]. Beijing, Publishing House of People's Literature, 1973. 322 p. (In Chinese)
11. Feng Jicai. Lu Xun de gong he "guo" [Achievements and 'errors' of Lu Xun]. *Shouhuo*, 2000, no. 2, p. 123. (In Chinese)

Received: February 09, 2020

Accepted: June 29, 2020

Author's information:

Dong Xiao — PhD, Professor; dongxiaoels@163.com